

Ю. П. Князев

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Русский язык

в типологической перспективе

STUDIA PHILLOGICA

ББК 81.2Рус
К 54

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 06-04-16253

Князев Ю. П.

К 54 Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 704 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0178-0

В книге, с учетом результатов современной типологической и когнитивной лингвистики, анализируются основные понятия, используемые при описании грамматической семантики (граница между грамматическими и лексическими значениями, обязательность выражения и ее разновидности, общие и частные значения грамматических единиц, основные типы грамматической многозначности и др.) и предлагается новая интерпретация многих явлений русской грамматики. Кроме того, представлен семантический анализ некоторых метаязыковых понятий (результат, статальность, реальность / ирреальность и др.), используемых при описании функционирования грамматических единиц. Основным предметом исследования являются степени сравнения, возвратность и взаимность, вид и время, пассив, результатив и перфект, а также значения, выражаемые формами лица, наклонения, числа и падежа.

Книга рассчитана на лингвистов, преподавателей и студентов филологических специальностей.

ББК 81.2Рус

*В оформлении переплета использована картина
С. Некрасовой «Что есть истина?» (1984)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0178-0

© Князев Ю. П., 2007

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сокращения и условные обозначения	13
Введение	15
Глава 1. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	21
1.1. Лексические и грамматические значения	21
1.1.1. «Внешний» и «внутренний» слои грамматики	22
1.1.2. Обязательность как признак грамматических значений	28
1.1.2.1. Категориальная и семантическая обязательность	30
1.1.2.2. Обязательность и регулярность	33
1.1.2.3. Обязательность и многозначность	35
1.1.3. Обязательность и грамматичность как градуальные свойства	38
1.2. Принципы описания грамматических значений	43
1.2.1. Полисемия и омонимия в словаре и грамматике	43
1.2.2. Инвариант и варианты	49
1.2.3. Маркированность/немаркированность	53
1.2.4. Частные значения и их иерархия	55
1.2.4.1. Первичные и вторичные значения	55
1.2.4.2. Иерархия частных значений русских видов	61
1.2.5. Сильные и слабые позиции	67
1.2.5.1. Позиции в грамматике	67
1.2.5.2. СВ в слабой позиции	71
1.2.5.3. НСВ в слабой позиции	75
1.2.5.4. Обязательность слабых позиций	77
1.3. Семантическая деривация грамем	78
1.3.1. Разновидности семантической деривации	78
1.3.2. Концептуальная метафора: связь неопределенности с отрицательной оценкой	82
1.3.2.1. Местоименные детерминативы	83

1.3.2.2. Падеж	87
1.3.2.3. Число	88
1.3.2.4. Вид	90
1.3.2.5. Источники отрицательной оценки	92
1.3.3. Метонимические сдвиги в значениях видо-временных форм	96
1.3.3.1. Фазы действия и «макродействия»	96
1.3.3.2. Настоящее время	97
1.3.3.3. Прошедшее время СВ	100
1.3.3.4. Причастия на <i>-н</i> , <i>-т</i>	104
1.3.4. Связь с прототипической ситуацией: императив и «квазиимператив»	107
1.3.4.1. Специфические особенности императива	107
1.3.4.2. Прототипическая императивная ситуация	110
1.3.4.3. «Позитивная» и «негативная» ирреальность	114
1.3.4.4. Желательность, необходимость и возможность	115
1.3.4.5. Обусловленность	119
1.3.4.6. «Драматический императив»	123
1.3.4.7. «Ближняя» и «дальняя» полисемия	127
1.3.5. Субъективизация: адресатное и обобщенно-личное значения форм 2-го лица	130
1.3.5.1. Семантические особенности форм 2-го лица	130
1.3.5.2. Формы 2-го лица в романе А. Гладилина «История одной компании»	133
1.3.5.3. Прагматика обобщенно-личных предложений	140
1.3.6. Реальность/ирреальность как семантический признак	145
1.3.6.1. Вступительные замечания	145
1.3.6.2. Наклонение	145
1.3.6.3. Время (временная отнесенность)	148
1.3.6.4. Хабитуальность (итеративность)	152
1.3.6.5. Семантический тип предиката	157
1.4. «Деграмматикализация» как одно из направлений эволюции русского языка	163
1.4.1. Общая типологическая характеристика русского языка	163
1.4.2. Уменьшение роли флексии и сокращение числа обязательно выражаемых значений	164
1.4.3. Сокращение фузии	167

1.4.4. Рост числа «гибридных» разрядов слов	168
1.4.5. «Любовь к нулю»	169
1.4.6. Аналитизм или изоляция?	171
Выводы	173
Глава 2. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ	179
2.1. Исходные положения	179
2.1.1 Градуирование и степени сравнения	179
2.1.2. Состав степеней сравнения	181
2.1.3. Эксплицитное и имплицитное сравнение	184
2.2. Положительная степень	188
2.2.1. Основные семантические разновидности	188
2.2.1.1. Параметрические прилагательные	188
2.2.1.2. Оценочные прилагательные	189
2.2.1.3. Прилагательные цвета	190
2.2.1.4. Прилагательные необладания признаком	192
2.2.2. Дополнительные способы квантификации признака ..	194
2.3. Сравнительная степень	197
2.3.1. Формы сравнительной степени	197
2.3.1.1. Неизменяемые синтетические формы	197
2.3.1.2. Префиксальные формы	198
2.3.1.3. Склоняемые синтетические формы	200
2.3.1.4. Аналитические формы	201
2.3.2. Эксплицитное сравнение	207
2.3.2.1. Кореферентные и некорреферентные употребления	207
2.3.2.2. Референциальный статус актантов	210
2.3.3. Имплицитное сравнение	213
2.3.3.1. Кореферентные и некорреферентные употребления	214
2.3.3.2. Референциальный статус актантов	218
2.4. Превосходная степень	221
2.4.1. Формы превосходной степени	221
2.4.1.1. Синтетические суффиксальные формы	221
2.4.1.2. Синтетические префиксальные формы	222
2.4.1.3. Аналитические формы	223
2.4.2. Эксплицитное сравнение (суперлатив)	226
2.4.2.1. Суперлатив и компаратив	226
2.4.2.2. Референциальный статус актантов	229
2.4.3. «Лексические суперлативы»	231

2.4.4. ИмPLICITное сравнение (элатив)	233
2.5. Семантические соотношения	
между степенями сравнения	242
Выводы	249
Глава 3. РЕФЛЕКСИВ И РЕЦИПРОК	258
3.1. Русские возвратные глаголы на фоне	
других славянских языков	259
3.1.1. Показатели рефлексивности в славянских языках	259
3.1.2. Принципы классификации рефлексивов	262
3.1.3. Субъектные РГ	268
3.1.3.1. Собственно-рефлексивные РГ	268
3.1.3.2. Реципрокальные РГ	270
3.1.3.3. Рефлексивно-посессивные РГ	273
3.1.3.4. Автокаузативные РГ	275
3.1.3.5. Рефлексивно-каузативные РГ	278
3.1.3.6. Абсолютивные (антипассивные) РГ	280
3.1.4. Объектные РГ	282
3.1.4.1. Декаузативные РГ	283
3.1.4.2. Конверсивные РГ	287
3.1.4.3. Модальные квазипассивные РГ	288
3.1.4.4. Пассивные РГ	292
3.1.5. Бесподлежащие рефлексивные конструкции	297
3.1.5.1. Модально-деагентивные РГ	298
3.1.5.2. Безличный пассив (субъектный имперсонал)	301
3.1.6. Два пути развития славянских рефлексивов	304
3.2. Поиски семантического инварианта возвратности	305
3.2.1. Непереходность	306
3.2.2. Совмещение ролей	314
3.3. Выражение взаимного значения в русском языке	316
3.3.1. Взаимность и симметричность	316
3.3.2. Взаимность и совместность	318
3.3.3. Способы выражения взаимного значения	320
3.3.4. Возвратные и невозвратные лексические реципроки	322
3.3.4.1. Основания для классификации	
лексических реципроков	322
3.3.4.2. Семантические разновидности	
лексических реципроков	324
3.3.4.3. РГ, образованные от лексических реципроков	330
3.3.5. Взаимно-возвратные глаголы	332

3.3.6. Мультипликативно-взаимные глаголы	337
3.3.7. Сочетание <i>между собой</i>	340
3.3.8. Префиксальные глаголы соединения/разъединения ...	343
3.3.9. Взаимные местоимения <i>друг друга</i> и <i>один другого</i>	346
3.3.9.1. Местоимение <i>друг друга</i>	346
3.3.9.2. Местоимение <i>один другого</i>	350
3.3.10. Слова с префиксом <i>со-</i>	351
3.3.11. Лексема <i>взаимный</i> и дериваты с ее участием	357
3.4. Показатели возвратности как способ выражения	
взаимности в языках мира	358
3.4.1. Принципы классификации	358
3.4.2. Типологические разновидности	360
3.4.2.1. Совпадение РП и РцП в сочетании	
с совпадением основ	360
3.4.2.2. Частичное совпадение РП и РцП в сочетании	
с совпадением основ	363
3.4.2.3. Совпадение РП и РцП в сочетании	
с частичным совпадением основ	364
3.4.2.4. Частичное совпадение РП и РцП в сочетании	
с частичным совпадением основ	365
3.4.3. Обсуждение результатов	365
Выводы	366
Глава 4. ВИД И ВРЕМЯ	369
4.1. Типология вида и русский глагольный вид	369
4.1.1. Проблема семантических границ вида	369
4.1.2. «Сильная» и «слабая» комплетивность	373
4.1.3. «Первичная» и «вторичная» инкомплетивность	376
4.1.4. Комбинации комплетивности и инкомплетивности....	378
4.1.4.1. «Внутренняя» инкомплетивность в сочетании	
с «внешней» комплетивностью	379
4.1.4.2. «Внутренняя» комплетивность в сочетании	
с «внешней» инкомплетивностью	381
4.2. Время и вид	384
4.2.1. Время и «темпоральное» истолкование видов	384
4.2.2. Момент речи как точка и как интервал	385
4.2.3. Настоящее время и момент речи	390
4.2.4. Интрагерминальность настоящего времени	393
4.2.5. Разновидности интрагерминальности	396
4.2.6. Прагматика настоящего времени	399

4.3. Вид и результат действия	402
4.3.1. Непосредственный результат и косвенные эффекты ..	402
4.3.2. Непосредственная и конечная цель действия	406
4.3.3. Речевые действия «непосредственного, непрерывного эффекта»	407
4.3.3.1. Прошедшее время СВ	409
4.3.3.2. Прошедшее время НСВ	410
4.3.3.3. Претерит на <i>-н, -т</i>	410
4.3.3.4. Перфект на <i>-н, -т</i>	411
4.3.3.5. Настоящее время НСВ	411
4.3.4. Конструкции с частицей <i>было</i>	412
4.3.4.1. Разновидности конструкций с частицей <i>было</i>	414
4.3.4.2. «Пострезультативные» и «дорезультативные» интерпретации	416
4.3.4.3. Частица <i>было</i> и фазы «макродействия»	418
4.3.4.4. Отношение к линии повествования	421
4.4. Статальность	425
4.4.1. Два аспекта статальности: нефазовость и неагентивность	425
4.4.2. Разновидности статических ситуаций	428
4.4.2.1. Основания для классификации	428
4.4.2.2. Сочетания нефазовости с агентивностью	433
4.4.2.3. Сочетания фазовости с неагентивностью	437
4.5. Многоактные (мультипликативные) глаголы	439
4.5.1. Мультипликативность как тип глагольной множественности	439
4.5.2. Мультипликативы и семельфактивы	441
4.5.3. Семантические классы мультипликативов	443
4.5.4. Типы субъекта	444
4.5.5. Непроизвольность и некумулятивность мультипликативов	445
4.5.6. Иконичность мультипликативов	447
4.6. Вид и время в онтогенезе	448
4.6.1. Детская речь как источник лингвистической информации	448
4.6.2. Материал для исследования	449
4.6.3. Стратификация видо-временных значений в детской речи	451
4.6.3.1. Исходный уровень	452
4.6.3.2. Возникновение многозначности	457

4.6.4. Ранний детский нарратив	460
4.7. Вид в повествовании: Пушкин и Чехов	463
4.7.1. Видо-временные формы в повествовательном тексте ..	463
4.7.2. Особенности повествования у Чехова	465
4.7.3. Прагматика вида в нарративе	468
Выводы	473
Глава 5. КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧАСТИЯМИ НА -н, -т	477
5.1. Вид в причастиях и деепричастиях	477
5.1.1. Действительные причастия	477
5.1.2. Деепричастия	482
5.1.3. Причастия на -н, -т	485
5.1.3.1. Причастия глаголов СВ	486
5.1.3.2. Причастия глаголов НСВ	489
5.1.4 Причастия на -м	490
5.1.5. Причастия и деепричастия в ряду глагольных форм ..	492
5.2. Пассивный перфект в русском языке	497
5.2.1 Пассив, перфект и результатив	497
5.2.2. Настоящее время в значении перфекта на -н, -т	499
5.2.3. Семантические разновидности перфекта на -н, -т	501
5.2.3.1. Результативный перфект	502
5.2.3.2. Перфект недавнего прошлого	504
5.2.3.3. Экспериментальный перфект	506
5.2.3.4. Континуативный перфект	507
5.2.4. Сочетаемость с обстоятельствами времени	510
5.2.5. Перфект на -н, -т и обозначение последовательности действий	514
5.2.6. Посессивный перфект	519
5.3. Причастия на -н, -т в их отношении	
к переходности/непереходности глагола	525
5.3.1. Принципы классификации. Диатезные типы	525
5.3.2. Объектные конструкции	532
5.3.3. Субъектные конструкции	532
5.3.4. Двудиатезные конструкции	534
5.3.4.1. Семантические разновидности	535
5.3.4.2. Границы двудиатезности	542
5.3.5. Конструкции типа <i>занят разговором</i>	543
5.3.6. Объектно-посессивные конструкции	550
5.3.7. Бесподлежащие конструкции	553
5.3.7.1. Структурно-деривационные разновидности	553

5.3.7.2. Безличные конструкции	555
5.3.8. Отношение к стательности/акциональности	561
5.4. Конструкции с причастиями на <i>-н, -т</i>	
в других славянских языках	566
5.4.1. Отношение к стательности/акциональности	567
5.4.1.1. Польский язык	567
5.4.1.2. Болгарский и серболужицкий языки	571
5.4.1.3. Словацкий язык	573
5.4.2. Отношение к переходности/непереходности глагола	575
Выводы	579
Заключение	582
Литература	587
Именной указатель	669
Указатель языков	682
Предметный указатель	685

Глава 1

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

1.1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Как известно, границу между лексическим и грамматическим различные ученые проводят по-разному и с неодинаковой степенью строгости. К тому же упоминавшаяся во Введении тенденция к «размыванию границ», характерная для современного периода языкознания, затронула и эту проблему, что проявляется в росте (или — скорее — в возрождении) интереса к проблемам эволюции грамматики и, в частности, к процессам грамматикализации — преобразования лексических единиц в грамматические, а грамматических — в «еще более» грамматические (например, словообразовательных единиц — в словоизменяемые или перфекта — в общее прош. вр., что имело место в русском и многих других языках¹) [Lehmann Ch. 1982/1995; 1993: 315—340; Bybee 1985; Claudi, Heine 1986: 297—335; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Dahl 2000б: 8—14; Heine, Kuteva 2002; Красухин 2005: 6—9]².

Результаты, полученные в ходе изучения путей и последствий грамматикализации в различных понятийных зонах, проводившихся на материале десятков языков с несовпадающими генетическими и ареальными характеристиками, относятся, возможно, к числу крупнейших достижений языкознания. Вместе с тем следует иметь в виду,

---

¹ На это обратил внимание еще О. Есперсен, высказавший предположение об универсальности этой тенденции [Есперсен 1924/1958: 316].

² Ср. одно из относительно ранних определений этого понятия: «Grammaticalization consists in the increase of the range of a morpheme advancing from a lexical to a grammatical or from a less grammatical to a more grammatical status; e. g. from a derivative formant to an inflectional» [Kuryłowicz 1965: 52]. Об истории и современном состоянии теории грамматикализации см.: [Майсак 2005: 23—82].

что, как писал В. А. Плунгян, в рамках данной системы взглядов вопрос о разграничении грамматического и не-грамматического может терять свою остроту: «разные объекты должны всего лишь найти определенную позицию на “шкале грамматичности” (и не так уж принципиально важно, насколько ближе или дальше от экстремумов этой шкалы они будут помещаться), а это совсем не то же самое, что “строго” или “формально” провести границу между, например, словообразованием и словоизменением» [Плунгян 2000б: 356].

Одним из возможных путей решения этого вопроса могло бы быть выделение в рамках грамматического (в самом широком смысле) двух неравных зон, или «слоев»: широкого «внешнего» слоя и более узкого «внутреннего», что примерно соответствует различению слабой (weak) и сильной (strong) грамматикализации у Х. Лемана [Lehmann Ch. 1982/1995: 164—169]¹.

1.1.1. «Внешний» и «внутренний» слои грамматики

В наиболее общем виде границу между «внешним» слоем грамматики и лексикой составляет противопоставление *полнозначных* (знаменательных, самостоятельных) и *служебных* (неполнозначных, несамостоятельных) единиц языка, которые различаются по нескольким признакам².

Так, в типологически ориентированных исследованиях Л. Талми принадлежность рассматриваемого элемента к лексической либо грамматической подсистеме языка определяется тем, входит ли данный элемент в *открытые* или *закрытые* (closed) классы. К последним (образующим грамматическую подсистему) он относит флексии, словообразовательные элементы, артикли, предлоги, частицы, союзы, синтаксические структуры, порядок слов, интонационные контуры

¹ Основное отличие состоит в том, что Х. Леман включает в число признаков грамматикализации также и «синтагматические параметры», отражающие последовательные стадии преобразования самостоятельной лексемы в аффикс, т. е. степень ее *морфологизации* [Lehmann Ch. 1982/1995: 123, 164]. Аналогичные два аспекта выделял в грамматикализации и Е. Д. Поливанов, писавший о ней в момент возникновения этого понятия, основываясь на материале тюркских языков [Поливанов 1922: 14—16]. В последующем изложении синтагматические параметры не учитываются.

² По отношению к словам необходимость подобного разграничения была осознана уже очень давно: оно известно и античной, и древнекитайской филологии [Алпатов 1986: 43; Яхонтов 2004: 520—521].

[Talmy 1988: 201]. Сюда же можно отнести также и разряды местоимений и числительных, которые обычно характеризуются высокой степенью внутренней упорядоченности и специфическими свойствами. Аналогичный принцип лежит в основе различения «грамматических монем» (морфем) и «лексических монем» (лексем) в концепции А. Мартине: «Лексические монемы входят в состав неограниченных инвентарей. Грамматические монемы, находясь в той или иной позиции, чередуются с относительно ограниченным числом других монем» [Мартине 1960/1963: 471].

Еще одно часто упоминаемое отличительное свойство грамматических (в широком смысле) единиц — относительно меньшая сложность и бóльшая отвлеченность их значения, по сравнению со значениями лексических единиц. Семантический компонент ‘человек’, входящий в значение суффиксов со значением действующего лица (ср. суффикс *-тель* в парах типа *строить* — *строитель*), лишен той разветвленной семантической и ассоциативной структуры, которая присуща лексеме *человек*. То же касается и значения служебных слов. Отмечается, например, что переход полнозначных слов в предлоги сопровождается «усилением степени обобщенности лексического значения новых предлогов», что приравнивается к «их развитию по линии убывающей лексичности и возрастающей грамматичности» [Черкасова 1967: 265]. Примечательно, что Э. Сепир, подразделявший выражаемые в языке значения на основные (basic), деривационные и реляционные, среди признаков, служащих основанием для их разграничения, на первое место (при всех делаемых им оговорках) ставил возрастающую степень их абстрактности [Сепир 1921/1993: 101—116]. Из сходных соображений явно исходили и составители «Всемирного словаря грамматикализации», включившие в него, в частности, такие семантические единицы, как ALREADY ‘уже’, ALSO ‘также’, EVEN ‘даже’, NEXT ‘следующий’, ONLY ‘только’, OTHER ‘другой’, SAME ‘тот же’, SOME ‘около, приблизительно’, TOGETHER ‘вместе’, мотивируя свое решение тем, что соответствующие слова «обладают бóльшим числом грамматических и меньшим числом лексических свойств по сравнению с теми единицами, из которых они происходят диахронически» [Heine, Kuteva 2002: 15].

Наконец, для грамматических единиц характерна относительно высокая степень повторяемости в различных окружениях. На этом основании Л. В. Щерба считал, что, «принимая во внимание единичность лексических элементов, т. е. слов, и применимость пра-

вил грамматики о словообразовании и словоизменении ко многим словам, можно противопоставлять лексическое грамматическому как е д и н и ч н о е — т и п о в о м у » (разрядка Л. Щ. — Ю. К.) [Щерба 1947/1974: 331]. Этот же признак, по мнению Е. А. Земской, лежит в основе отличия знаменательных морфем в слове от служебных: «принципиальное различие между аффиксальными и корневыми морфемами — обязательная п о в т о р я е м о с т ь (разрядка Е. З. — Ю. К.) аффиксов в аналогично построенных и обладающих общим элементом значения словах и безразличие к этому свойству корней. Иными словами, существуют корни, повторяющиеся во многих словах, и корни, встречающиеся лишь в одном слове (*какаду, я, фрау* и т. п.), но нет и не может быть аффиксов, встречающихся лишь в одном слове» [Земская 1973: 25].

«Внешний» слой грамматики представлен, по всей видимости, во всех языках. Что же касается «внутреннего» слоя, то он наиболее четко выделяется в синтетических флективных языках, образцами которых служат латинский и старославянский языки, а также — в значительной степени — и русский язык¹. Признаки, характеризующие «внутренний» слой грамматики, можно для наглядности представить как углубление упоминавшихся выше отличий грамматических единиц от лексических, отражающее возрастание степени утраты ими автономности².

Так, грамматическая единица в этом случае входит уже не просто в закрытый класс, а в морфологическую к а т е г о р и ю, образуемую количественно строго ограниченными рядами противопоставленных друг другу форм, причем наиболее грамматикализованными в этом случае считаются бинарные категории, состоящие из двух рядов форм³.

¹ Обобщенная типологическая характеристика современного русского языка, особенно в его разговорном варианте и с учетом предполагаемых тенденций развития, далеко не столь однозначна; см.: [Weiss 1993: 80; Князев 2001б: 32—37], а также § 1.4.

² Ср. следующую формулировку связи между автономностью языковой единицы и ее грамматикализованностью: «The autonomy of a sign is converse to its grammaticality, and grammaticalization detracts from its autonomy. Consequently, if we want to measure the degree to which a sign is grammaticalized, we will determine its degree of autonomy» [Lehmann Ch. 1982/1995: 122].

³ Так, по мнению Х. Лемана, «the most grammaticalised categories usually consist of a two-member paradigm, i. e. a binary opposition» [Lehmann Ch. 1982/1995: 136].

Сама же грамматическая (в широком смысле) единица, став членом категории, преобразуется в граммему¹.

В свою очередь, собственное значение грамматической единицы еще более ослабевает, так что ее присоединение уже не изменяет лексического значения слова, что позволяет говорить о словоизменении — таких видоизменениях слов, которые различаются только морфологическими значениями. Ср. замечание Ю. С. Маслова, прямо связывающее грамматикализацию славянского вида с уменьшением воздействия его форм на лексическое значение глагола: «В славянских языках суффиксальная имперфективация регулярно создает формы, отличающиеся от соответствующих форм без суффикса только видом, но не лексическим значением. Тем самым в случаях типа *подписать* — *подписывать*, *решить* — *решать* видовое противопоставление выступает как чисто видовое, без какой-либо примеси лексических различий, осуществляется в рамках единой лексемы. Именно благодаря этой своего рода эмансипированности от лексических различий противопоставление СВ и НСВ и получает статус грамматического видового противопоставления, статус категории глагольного формообразования» [Маслов 1978: 27].

Проявлением смыслового «выветривания»² грамматической единицы можно, видимо, считать и возможность ее использования для выражения синтаксических связей. Так, А. М. Пешковский, называя падеж существительного синтаксической категорией на том основании, что он «выражает зависимость одних слов в речи от других», вместе с тем подчеркивал, что «формы, обра-

---

¹ Особую проблему представляет не столь уж редкая ситуация, когда некоторая единица является граммемой лишь в части употреблений, причем ее семантическое единство (наличие очевидных смысловых связей между отдельными значениями) сохраняется; таков, например, английский глагол *will* 'хотеть, намереваться', который может использоваться и как полнозначный глагол, и как компонент аналитических форм буд. вр. (см. об этом, например, в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 15—17, 255—257]). Это касается не только аналитических форм. Аналогичные сложности вызывает, например, и грамматическая интерпретация возвратных глаголов, которые в русском языке образуются при помощи аффикса *-ся*, и конструкций с причастиями на *-н*, *-т*.

² По отношению к этому явлению используются разнообразные метафорические названия: «эрозия» (erosion) [Heine, Reh 1984: 21], «угасание» (depletion) [Вейнрейх 1963/1970: 211—212], «выцветание» (bleaching), «стирание» (attrition) [Lehmann Ch. 1982/1995: 164].

зующие синтаксические категории, не изменяют несколько вещественного значения слова»; формы же несинтаксических категорий, в частности, число существительного, он называет словообразовательными, поскольку, по его мнению, они «всегда вносят какой-либо новый оттенок в вещественное значение слова» (разрядка везде А. П. — Ю. К.) [Пешковский 1928/1956: 31—32]¹.

Считается, что в отечественной лингвистической традиции эта точка зрения восходит к Ф. Ф. Фортунатову; ср. следующее его определение: «Формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами словоизменения» (разрядка Ф. Ф. — Ю. К.) [Фортунатов 1902/1956: 155]. В известной мере ее, по-видимому, разделял и Л. В. Щерба, видевший одно из отличий лексики от грамматики в том, что в грамматику входят «строевые элементы», «выражающие отношения между самостоятельными предметами мысли» [Щерба 1947/1974: 328]². Наиболее последовательно эта идея реализована в [Мучник, Панов 1968: 16], где синтаксические значения (в обсуждаемом здесь понимании) названы «реляционными», а все остальные, включая и те, которые выражаются в парах типа *шумлю* — *шуми* (различающихся формами наклонений), отнесены к «деривационным»³. Сам же Фортунатов (как и Пешковский) считал значения наклонения и времени синтаксическими (а

¹ Четкой границы между двумя этими типами категорий провести, однако, не удастся. Так, например, категории вида, залога и степени сравнения, по мнению А. М. Пешковского, «стоят прямо на границе» между синтаксическими и несинтаксическими категориями» (разрядка А. П. — Ю. К.) [Пешковский 1928/1956: 33]. А. В. Бондарко, использующий аналогичное противопоставление в своей многомерной классификации морфологических категорий, говорит о различии категорий по признаку структурной либо семантической доминанты их содержания [Бондарко 1976: 41—47].

² Помимо этого, Л. В. Щерба включал в состав «строевых элементов» и словообразовательные аффиксы; его широко известная фраза про *глокую куздру*, *бокра* и *бокренка*, в которой «строевые элементы» сохраняются, а знаменательные заменены несуществующими, служит именно иллюстрацией их роли в языке.

³ В настоящее время морфологические категории, которые непосредственно отражают («называют») внеязыковую действительность, вслед за А. А. Зализняком, обычно называют номинативными [Зализняк 1967: 23—27; Плунгян 1992: 25; Евтюхин 2002: 31—33].

следовательно и словоизменительными) на том основании, что они являются «формами сказуемости» [Фортунатов 1902/1956: 156]¹.

Значимость для синтаксиса или причастность к синтаксису (relevance to the syntax) и сейчас неизменно включается в число признаков, отличающих словоизменение от словообразования (см., например, [Булыгина 1980: 324; Dressler 1989: 3—10; Plank 1994: 1671—1678; Мельчук 1997: 279—280; Перцов 2001: 98; Haspelmath 2002b: 71]). Кроме того, этот признак (причем именно в самом узком его понимании) и типологически существенен.

По мнению С. Е. Яхонтова, в неаморфных изолирующих языках², к которым он относит, в частности, современный китайский язык, слово может иметь формы, но «при условии, что они выражают не синтаксические грамматические категории», и далее: «в неаморфных изолирующих языках возможны любые несинтаксические категории, прежде всего — число существительного и время или вид глагола. Но и в аморфных языках возможны те же самые категории, только выражаемые за пределами слова, с помощью сохраняющих формальную самостоятельность служебных слов или частиц» [Яхонтов 1975: 106—107]. В другой своей работе он отмечает, что «решающее значение для характеристики языка имеют те категории, которые связаны с выражением отношений между словами в предложении (...). Вторую по важности группу составляют категории, не связанные с синтаксисом — например, время, вид, наклонение глагола, число существительного» (разрядка везде С. Я. — Ю. К.) [Яхонтов 1965: 96—97].

Таким образом, наличие только номинативных морфологических категорий можно рассматривать как дополнительное свидетельство

---

¹ См. обсуждение этого вопроса в [Пешковский 1928/1956: 85—89; Бондарко 1976: 110—113; Булатова 1983: 120—123].

² С. Е. Яхонтов в этой работе называет изолирующими языки, в которых «отношения между словами выражаются не изменением формы самого слова, а порядком слов или служебными словами»; аморфными же среди них являются языки, в которых «слово не имеет формы в обычном, традиционном понимании, т. е. не делится на вещественную и формальную части» [Яхонтов 1975: 106]. Только при такой интерпретации аморфности можно согласиться с высказывавшимся им ранее мнением, что «нельзя указать никаких ясных признаков, которые позволяли бы различать аналитические и аморфные языки. Один из этих терминов — лишний и должен быть отброшен» [Яхонтов 1965: 98].

относительно менее высокой степени грамматикализации изолирующих языков, по сравнению с неизолирующими. Это вполне согласуется с традиционной оценкой изолирующих языков как языков «лексических» в противоположность «грамматическим» флективным языкам [Соссюр 1916/1977: 166; Алпатов 1986: 38—43; Морев 1991: 214—217].

1.1.2. Обязательность как признак грамматических значений

Возрастание абстрактности значения грамматической единицы обычно влечет за собой расширение ее сочетаемости и рост употребительности¹, что в конечном счете может привести к тому, что в определенных условиях употребление той или иной из единиц из некоторого закрытого класса может стать обязательным. Приведу одну из самых четких формулировок принципа обязательности: «Если в языке какое-то семантическое различие оформилось в грамматическую категорию, язык в сфере действия этой категории уже не может оставлять данное различие невыраженным. Мы обязаны пользоваться грамматической категорией во всех случаях при употреблении “подвластных” ей слов, т. е. мы должны выбирать одну из граммем этой категории каждый раз — даже там, где для смысла высказывания различие между соответствующими значениями несущественно» [Маслов 1978: 26].

В связи с этим может возникнуть естественный вопрос, почему те или иные значения становятся обязательными для выражения независимо от коммуникативных потребностей говорящих. Одно из предлаженных объяснений этого — возникающая в результате грамматикализации возможность упростить и «автоматизировать» процессы порождения и восприятия высказывания: «The obligatory grams and the rules-like nature of word order patterns are automatically supplied so that the speaker’s attention may be directed to the proposition content of the utterance. The advantages of automation can explain why categories or structures became obligatory despite the fact that they are not always strictly necessary for communication» [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 299—300]. Именно поэтому, «хотя выражение мысли и ее понимание

---

¹ Ср. следующую формулировку этой зависимости: «По известному закону логики, бульшая абстрактность, семантическая бедность предполагают более широкий объем, что облегчает сочетаемость, и грамматические значения, соответственно, оказываются совместимыми с очень широким кругом других значений. Отсюда и регулярность служебных морфем» [Касевич 1988: 142—143].

совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения находится лишь вещественное содержание речи» [Кацнельсон 1972: 115]; ср. аналогичную точку зрения Э. Даля: «when an item is grammaticalized, its content becomes less significant to the communication» [Dahl 2000b: 9]¹.

Мысль о существовании связи между обязательностью выражения значения и его принадлежностью к числу грамматических, эксплицитно выраженная в работах [Якобсон 1959/1985: 231—235; Мельчук 1961: 34—35]², быстро приобрела широкое признание: «Свойство обязательности выражения грамматического значения представляется наиболее универсальным (не зависящим от типа языка) критерием определения области, относящейся к грамматике в собственном смысле» [Булыгина 1972: 209]³. Сходным образом, но уже с оговорками, оценивается принцип обязательности и сейчас; ср.: «Определение словоизменительных значений должно опираться на понятие обязательности (хотя и с некоторыми уточнениями); при этом следует от-

---

¹ Другая проблема, связанная со свойством обязательности, — выполнимость применительно к языку типа русского требований, предъявляемых к семантическому метаязыку в [Апресян Ю. 2005: 13—14]; в соответствии с ними он должен описывать значения «любых языковых единиц», причем «аналитические толкования должны отвечать условиям полноты и избыточности», но в то же время этот метаязык представляет собой «упрощенный и стандартизованный подъязык описываемого естественного языка», а значит, в свою очередь, содержать показатели обязательно выражаемых значений. Примечательно, что в начальный период работ по машинному переводу предполагалось, что язык-посредник (= семантический метаязык) должен быть по своей структуре подобен изолирующему языку: «грамматические значения реальных языков должны считаться неграмматическими в языке-посреднике: обязательные показатели грамматических значений должны перерабатываться в факультативные показатели неграмматических значений языка-посредника» [Мельчук 1960: 39]; см. об этом также: [Успенский 1965: 132].

² О других источниках концепции обязательности грамматических значений см.: [Перцов 2001: 70—71].

³ Позднее Т. В. Булыгина существенно изменила свое мнение по этому вопросу; ср.: «Многочисленные обсуждения оснований разграничения между грамматическими и лексическими значениями приводят к заключению об отсутствии четких границ между этими типами языковых значений, о градуальном характере соответствующего противопоставления. Представляется невозможным (а может быть, и не необходимым) выделить такой признак или такой комплекс признаков, который бы во всех случаях недвусмысленно относил то или иное значение к одному или другому классу» [Булыгина 1980: 324].

давать себе отчет в существовании обширной переходной зоны, которую адекватная теория обязательно должна учитывать. Никакие другие признаки словоизменительных значений не удастся считать универсальными» [Плунгян 1998в: 350].

1.1.2.1. Категориальная и семантическая обязательность

В приведенной выше формулировке Ю. С. Маслова принципиально важным представляется указание на то, что обязательность имеет некоторую сферу действия. В традиционных описаниях русской именной морфологии сферой действия категории числа существительного является вся эта часть речи в целом, а ед. число — сферой действия категории рода. Аналогичные цепочки импликаций легко построить и для глагольных морфологических категорий. Такого рода обязательность можно назвать категориальной.

В менее грамматикализованных зонах, к каким относится, например, средства выражения определенности/неопределенности в русском языке, может оказаться возможным лишь семантическое определение сферы действия обязательности. Так, употребление местоимения *этот* при вторичном упоминании имени является обязательным, «когда названный объект при повторном появлении выступает в другом пространственно-временном срезе» [Гладров 1992: 251]; ср. приведенные в [Падучева 1985: 163] примеры, в которых указательное местоимение опустить нельзя:

- (1) а. *За рекой расстилается луг. На этом лугу обычно пасутся коровы* (при допустимости — *На лугу пасутся коровы*);
 б. *Мы подходим к небольшому дому. Этот дом построен в начале века* (при допустимости — *Двери дома открыты*).

В этой связи можно заметить, что определенный артикль (типичным диахроническим источником которого как раз и являются анафорические указательные местоимения) употребляется чаще всего в других случаях, а именно тогда, когда описываются «одновременные или смежные во времени действия или состояния одного и то же объекта» [Падучева 1985: 163]. Е. В. Падучева называет подобное соединение предложений «жестким стыком», в противоположность «свободному стыку», требующему употребления указательного местоимения.

Именно рост употребительности чешского местоимения *ten* ‘тот’ в контекстах «жесткого стыка» позволяет П. Адамцу говорить о том, что «чешский в сравнении с русским гораздо ближе к “артиклевым” языкам (особенно, если речь идет об определенном артикле)» [Ада-